

051129 Газета -
- 1994 - 15-21 мая
- с. 11.

ПА-ДЕ-ДЕ

Майя-вторая

Приз «Душа танца», эту сугубо российскую балетную награду изобрела три года назад редколлегия изящного журнала «Балет». «Душа» представляет собой статуэтку высотой сантиметров сорок, слегка смахивающую на подсвечник. Номинации названы так же поэтично.

«Восходящей звездой»-96 признана двадцатилетняя солистка Мариинского театра Майя Думченко. Известная, в частности, тем, что своим исполнением роли Джульетты растрогала саму Галину Уланову. «Рыцарями балета» стали художники московского Театра классического балета Наталья Касаткина и Владимир Васильев, отважно ведущие свой корабль сквозь штормы рыночного времени. «Рыцаршей» также оказалась необыкновенная женщина Анна Ермакова, директор Театра оперы и балета Нижнего Новгорода, умудрившаяся за год провести пушкинский фестиваль, организовать пять премьер,

тучу гастролей и заодно окончить парочку столичных вузов. «Магом танца» (приз дается творцам спектакля — балетмейстерам, композиторам, сценографам) признан автор музыки к балету «Доктор Живаго» Кирилл Волков. В этом году учреждена новая номинация «Мэтр танца» — присуждается старейшим и мудрейшим. Таковыми, по общему

мнению, являются Вера Красовская — приз за завершение театрологии по истории западноевропейского балета, и Татьяна Устинова, бессменный лидер танцевальной группы хора им. Пятницкого, написавшая книгу «Избранные русские народные танцы».

Концерт прошел успешнее, чем в прошлом году. Скорее всего, потому что торжественное вручение наград протекало ритмически организованно (под музыку из «Спящей красавицы»), что исключало произнесение даже кратких спичей. Восхода звезды, конечно, ждали. И не зря: среди старательных солисток действительно блистала пикантная, очаровательная, грациозная балерина Диана Вишнева. Наделенная же в этот вечер «Душой» Майя Думченко публику не воодушевила: застывшая улыбка и отработанная игра глаз не могли скрыть природных недостатков, а ее чистый, пресноватый танец как нельзя лучше отвечал представлению москвичей о том, что принято именовать петербургским академизмом и чему так сопротивляются склонные к потрясениям московские сердца. Впрочем, сопротивляются не все. Сердце самого увлекающего и увлекающегося историка балета оказалось открытым искусству «восходящей звезды».

Татьяна КУЗНЕЦОВА

Вадим ГАЕВСКИЙ

Вынужден признать: в первом отделении торжественного концерта Майя Думченко, танцевавшая па-де-де из «Спящей красавицы», ожидаемого впечатления не произвела. Не было торжественности, не было торжества, и я не узнавал обычно столь оживленную Майю. Впрочем, торжественным стиль ее танца не назовешь: Думченко не принадлежит к типу балерин-королев, балерин-примадонн, балерин-этуалей. Это балерина — «будущая этуаль», «будущая королева», балерина-инфанта. Радостная душа, полная непосредственности, и то, что называется легкой на подъем, она умело соблюдает строгий балетный этикет и тайно любит веселую суматоху жизни. Но ведь финальное па-де-де «Спящей красавицы» так и построено: суматоха эмоций в подтексте, в глубине, строгий этикет на поверхности, в позах, поклонах и церемонных проходах вдоль сцены.

И ведь таким и выглядело это финальное па-де-де, когда Думченко, ровно два года назад, впервые танцевала его на выпускном вечере в

Мариинском театре. Тогда она имела огромный успех, подкупало многое: изящество облика, сценическое обаяние и неподдельная свежесть таланта. Коротко, буквально двумя словами, впечатление можно было определить так: несмелая смелость, совершенно прелестная несмелая смелость, с какой тоненькая балерина выстраивала большие, красивые, прямо-таки семеновские аттитюды; очаровательная несмелая смелость, с какой Аврора-Думченко на миг припадала к своему учтивому кавалеру. Тут было все: и женская благодарность, и женский каприз, и первые знаки женской привязанности, и ранние знаки женской власти. И, может быть, главное: стройная девушка Майя Думченко танцевала, как хорошо настроенный инструмент, ее стройность, как у балерин петербургской школы, казалась не только чертой облика, но и качеством стиля. Она чувствовала строй танца, когда танцевала Петица и когда, год и еще год спустя, стала танцевать Баланчина и Бежара.

Остановимся на короткий миг: это существенное обстоятельство, весьма важная характеристика новой волны петербургских балерин. Они легко, почти без проблем, во всяком случае — без проблем психологических, входят в чужие стилевые системы. Специально их не готовят, не учат, тем более не переучивают, но как-то получается, что Баланчин им доступен, а Бежар не ставит в тупик, и дело тут прежде всего в той внутренней свободе, с какой все они — и Ульяна Лопаткина, и Диана Вишнева, и Майя Думченко — пришли в мир, начинали профессиональную карьеру. Провинциальная уость им уже не грозит, их искусство открыто и современной пластике, и современным рит-

мам. Говорю об этом под свежим впечатлением того, как все три девушки танцевали «Симфонию до-мажор» Баланчина и как Майя Думченко танцевала па-де-де из балета Бежара «Наш Фауст». В этом дуэте, потребовавшем гуттаперчевой гибкости, Майя не только чисто продемонстрировала замысловатый бежаровский текст, но и предстала в образе балерины-циркачки, балерины-акробатки, излюбленного образа Феллини, Пикассо и самого Бежара.

Все это так, скажете вы, но почему же такая незадача с московским концертом? А потому, как мне кажется, что с самого начала все действительно не заладилось. Мешали случайные посторонние обстоятельства. Сказался душевный склад, а он таков, что требует благорасположения судьбы и зрительного зала. Навязывать себя зрителю и судьбе Майя Думченко не умеет. Это — затемненная сторона петербургской души, обратная сторона общительного, деликатного и очень нервного таланта.

Я хорошо помню, как много лет назад начинала в Большом театре Майя Плисецкая, великая Майя. Трагические обстоятельства жизни, но и сам мятежный дар сформировали в ее сознании образ балерины-изгоя. С этим сознанием она прожила почти всю артистическую жизнь, в этом образе она нередко выходила на сцену. И эта ситуация, ситуация окружающей вражды, лишь вдохновляла ее, придавала дополнительные силы. А Майя Думченко — назovem ее в духе старинной балетной традиции Майей-второй — не такова. И именно вражда, а не укол веретена, убивала ее Аврору. Вот почему, говоря о ней, я предпочитаю всем другим словам слова нежности и надежды.